

На правах рукописи

Ясинская Мария Владимировна

**Представления
о глазах и зрении
в языке и традиционной культуре
славян**

Специальность 10.02.03 — славянские языки

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва
2016

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте славяноведения РАН в Отделе этнолингвистики и фольклора.

Научный руководитель: *доктор филологических наук, профессор*
Толстая Светлана Михайловна
(Институт славяноведения РАН, зав. Отделом этнолингвистики и фольклора)

Официальные оппоненты: *доктор филологических наук*
Урысон Елена Владимировна
(ФГБУН Институт русского языка им. В.В. Виноградова, главный научный сотрудник Сектора теоретической семантики)
кандидат филологических наук
Кондратенко Михаил Михайлович
(ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», доцент кафедры теории языка и немецкого языка)

Ведущая организация: *Федеральное государственное бюджетное учреждение науки* Институт языкознания РАН

Защита диссертации состоится **12 апреля 2016 года** в **15:00** часов на заседании диссертационного совета Д 002.248.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата филологических наук при Институте славяноведения Российской академии наук по адресу: *119991 г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А, корпус «В», 9-й этаж, ауд. 901–902.*

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном совете Института славяноведения РАН.

Автореферат разослан 8 февраля 2016 года
Размещен на сайте ИСЛ РАН: <http://www.inslav.ru> и ВАК при МОН РФ

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук

М.М. Валенцова

© Институт славяноведения РАН

Общая характеристика работы

Диссертация посвящена изучению «зрительного кода» в языке и культуре славян, т.е. представлений о глазах и зрении и их роли в категоризации мира и формировании «наивной картины мира». В языке из всех видов чувственного восприятия зрение представлено наиболее разнообразной и богатой лексикой и больше, чем другие виды восприятия (слух, обоняние, осязание, вкус), участвует в метафорических моделях языковой номинации¹. Для традиционной народной культуры тема глаз и зрения является одной из стержневых. Она проникает в различные области традиционных представлений и отражена в самых разных сферах и жанрах народной культуры (верованиях, обрядах, фольклорных текстах – загадках, заговорах, проклятиях, приметах, запретах и предписаниях, быличках, лирических песнях, причитаниях и мн. др.). Представления о глазах и зрении составляют часть народной антропологии, физиологии и медицины. Они смыкаются с такой областью верований, как народная демонология, ими пронизаны архаические мифопоэтические воззрения на Космос и природу в целом. Эти представления играют важнейшую роль в семиотизации и структурировании пространства. В диссертации предпринята попытка комплексного анализа мотивов зрения на основе языковых и этнокультурных данных.

Работа выполнена в русле Московской этнолингвистической школы, изучающей язык в его взаимодействии с традиционной культурой и народным менталитетом, и использует методологию, изложенную и реализованную в трудах основателя школы академика Н.И. Толстого, его коллег, учеников и последователей – С.М. Толстой, Л.Н. Виноградской, А.В. Гуры, О.В. Беловой, Е.Л. Березович, О.А. Седаковой, И.А. Седаковой, Е.Е. Левкиевской, А.Ф. Журавлева, Т.А. Агапкиной, А.А. Плотниковой, Е.С. Узеневой, М.М. Валенцовой, Е.И. Якушкиной и др.

Объектом изучения в диссертации являются представления о глазах и зрении (зрительной перцепции), запечатленные в языке и традиционной культуре славян во всех ее формах: вербальной (лексика и фразеология, паремиология, тексты фольклора), ментальной (верования), акциональной (обряд).

¹ *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка. Попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.

Предмет исследования – семантическая структура «зрительного кода» и системные отношения между его элементами, их функционирование в языке и различных сферах традиционной народной культуры.

Цели и задачи исследования. Основной целью исследования является реконструкция семантической структуры и функций «зрительного кода» и отдельных его элементов в языке и традиционной культуре славян. Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- Выявление и систематизация языковых и культурных контекстов, связанных с темой зрительного восприятия;
- анализ основных понятий, входящих в сферу зрения: ГЛАЗ, СМОТРЕТЬ, ВЗГЛЯД, ВИДЕТЬ, ЗРЕНИЕ и их символики и роли в языке и культуре;
- построение семантической модели зрительного восприятия;
- выявление и анализ основных семантических оппозиций, релевантных для темы зрения («зрение – слепота», «видимый – невидимый»; «свет – тьма», «этот свет – тот свет») в языке и культуре;
- определение роли и функции «зрительного кода» в языке и традиционной культуре в соотношении с другими видами чувственного восприятия.

При решении поставленных задач в работе используются следующие **методы**:

- логический анализ (см., например, работы Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой и др.) и семантический анализ (А. Вежбицкой, Ю.Д. Апресяна, Е.В. Урысон), разработанные в лингвистике для описания и исследования языка, в применении к языку традиционной культуры в широком смысле: модель зрительного восприятия рассматривается как пропозиция с различными актантами;
- семантико-мотивационная реконструкция лексического, фразеологического и фольклорно-этнографического материала;
- ономазиолого-этимологический анализ, контекстный, компонентный анализ; сопоставление и верификация выводов, полученных при анализе языковых данных, с фактами традиционной культуры; поиск символических параллелей между фактами языка и фольклорно-этнографическими данными, метод ареального и типологического исследования.

Актуальность исследования определяется тем, что антропологический подход к изучению языка и культуры требует более детального изучения всех «систем человека» (термин Ю.Д. Апресяна), в том числе роли зрительного восприятия в языке и традиционной народной культуре славян, которое в комплексном (этнолингвистическом) плане остается пока мало изученным. Восполнению этой лакуны и посвящено настоящее исследование.

Материал и источники. Поставленные в работе задачи решаются на материале разных славянских языков и этнокультурных традиций, среди которых основное место занимают языковые и фольклорно-этнографические данные восточных славян (русские, украинские, белорусские и особенно полесские), а также польские и кашубские, в меньшей мере южнославянские (преимущественно сербские и словенские). Выборочный характер использованных данных объясняется слишком широким охватом проблематики и отсутствием частных разработок темы по отдельным языкам и традициям. В работе был использован широкий круг источников, как лингвистических, так и фольклорно-этнографических. Источниками языкового материала послужили в первую очередь словари (литературные, диалектные, фразеологические, этимологические) русского и других славянских языков, в том числе: Большой и Малый академические словари русского языка, Новый объяснительный словарь синонимов (под ред. Ю.Д. Апресяна); Словарь русских народных говоров, Смоленский областной словарь В.Н. Добровольского, Словарь говоров Русского Севера, Архангельский областной словарь, Псковский областной словарь, Словарь русских говоров Карелии; Большой словарь русских поговорок (под ред. В.М. Мокиенко), Словенский фразеологический словарь Я. Кебера (J. Keber); Этимологический словарь русского языка М. Фасмера, Этимологический словарь славянских языков под редакцией О.Н. Трубачева, Словарь кашубских говоров Б. Сыхты (B. Sychta), «Ходский словарь» Ф. Грушки (F. Hruška), «Словенско-немецкий словарь» М. Плетершника (M. Pleteršnik) и др. Также привлекались данные Общеславянского лингвистического атласа. Из словарей целенаправленно выбиралась лексика и фразеология, связанная с семантическим полем зрительного восприятия в широком понимании (с учетом данных народной демонологии, народной медицины и т. д.).

Материал также извлекался из фольклорно-этнографических источников: сборников фольклора различных жанров, исследований по

фольклору и этнографии – трудов ученых XIX – первой половины XX в.: Б.Д. Гринченко, В. Гнатюка, В.Н. Добровольского, Д.К. Зеленина, П.В. Шейна; К. Мошиньского (K. Moszyński), Н. Курета (N. Kuret) и др., сборников, составленных современными исследователями (конца XX – начала XXI вв.) – В.П. Зиновьева, Н.А. Криничной, Г. Лобковой, О.А. Черепановой, К. Шумова, А.Б. Мороза и др. Источниками материала послужили словари энциклопедического и этнолингвистического характера: словарь «Славянские древности», демонологические словари Т.А. Новичковой и М.Н. Власовой. Кроме того, сведения по исследуемой теме были почерпнуты в трудах, посвященных самым различным проблемам славянской традиционной культуры – в монографиях Л.Н. Виноградовой, А.В. Гуры, Т.А. Агапкиной, Е.Е. Левкиевской, И.А. Седаковой, О.А. Седаковой, Е.С. Узенева, С.М. Толстой, А.А. Плотниковой, О.Б. Христофоровой, а также польских исследователей Б. Барановского (B. Baranowski), М. Бартель де Вейденталь (M. Barthel de Weydenenthal), И. и Р. Томицких (I. i R. Tomićcy), Л. Пелки (Ł. Pelka), сербских этнографов С. Зечевича (S. Zechewić), Т. Джорджевича (T. Ђорђевић) и мн. др.

В работе привлекался и собственный полевой материал, собранный в фольклорных экспедициях в Кировской области (1996–1999 гг.), в этнолингвистической экспедиции в область польского Спиша (2013 г.), а также богатые материалы Полесского архива (ПА) Института славяноведения РАН.

Степень изученности темы. Роль зрительного восприятия в языковой категоризации мира и семантика соответствующей лексики рассматривались на материале русского литературного языка в работах Ю.Д. Апресяна, Е.В. Урысон², Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой и др., на материале польского языка Е. Бартминьским (J. Bartmiński), Ст. Небжеговской-Бартминьской (S. Niebrzegowska-Bartmińska)³, М. Завислав-

² Урысон Е.В. Языковая картина мира vs. Обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания, 1998. № 2. С. 3–22; Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М., 2003. С. 82–97.

³ Bartmiński J., Niebrzegowska-Bartmińska S. Dynamika kategorii punktu widzenia w języku, tekście i dyskursie // Punkt widzenia w języku i w kulturze. Lublin, 2004. S. 321–358; Бартминьский Е. «Ani widu, ani

ской (M. Zawisławska)⁴ и др., а также на более широком материале А. Вежбицкой (A. Wierzbicka)⁵.

Отдельные аспекты темы глаз и зрения (соотношение понятий *зрение* и *свет*, представления о родстве глаз с небесными светилами, вера в магические свойства взгляда) затрагивались в работах исследователей традиционной народной культуры уже начиная с трудов А.А. Потебни и А.Н. Афанасьева. Некоторое отражение они нашли в работах, посвященных телу человека в русской (Н.Е. Мазалова) и белорусской (Т.В. Володина) традициях. Сведения о глазных болезнях и их лечении можно найти в исследованиях лечебных заговоров и трудах по народной медицине, напр., В. Мёдерндорфера (V. Möderndorfer), Т.А. Агапкиной. Мифологический аспект темы (глаза и зрение покойников) был исследован Н.И. Толстым⁶. Проблеме видимого и невидимого посвящены работы Вяч.Вс. Иванова⁷, Т.В. Цивьян⁸, А.А. Плотниковой⁹, С.М. Толстой¹⁰,

śluchu»: о семантической (а)симметрии зрения и слуха // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. / Отв. ред. Е.Л. Березович. Екатеринбург, 2015. С. 19–24.

⁴ *Zawisławska M.* Czasowniki percepcji wzrokowej a procesy mentalne // Studia z semantyki porównawczej. Nazwy barw. Nazwy wymiarów. Predykaty mentalne. Warszawa, 2000. Cz. 1. S. 305–315.

⁵ *Wierzbicka A.* Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. New York; Oxford, 1992.

⁶ *Толстой Н.И.* Глаза и зрение покойников // *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

⁷ *Иванов Вяч.Вс.* Категория «видимого»-«невидимого» в текстах архаических культур // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Гарту, 1973. С. 34–38.

⁸ *Цивьян Т.В.* Категория видимого / невидимого: балканские маргиналии // Balkanica. Лингвистические исследования. М., 1979. С. 201–207.

⁹ *Плотникова А.А.* «Видимая» и «невидимая» нечистая сила: мифологические образы у балканских славян // Признаковое пространство культуры. М., 2002.

Л.Н. Виноградовой¹¹ и др. Достаточно полно собраны и изучены представления о «дурном глазе» (М. Barthel de Weydenthal¹², Т. Борђевић¹³, Љ. Раденковић¹⁴, М. Mencej¹⁵ и др.).

Тема исследовалась на материале отдельных локальных традиций: представлениям о глазах и зрении в верованиях и фольклоре славяноязычных балканских народов посвящена работа М. Галановой¹⁶. Обобщенное изложение славянских верований о глазах и зрении дается в словаре «Славянские древности» в статьях «Глаз» (Н.И. Толстой) и «Смотреть» (Т.А. Агапкина). Ценные замечания по теме глаз и зрения содержатся в работах А.К. Байбурина¹⁷. Проблемы видимости/невидимости, зрячести/слепоты демона и человека исследуются С.Ю. Неклюдовым и Е.С. Новик на обширном мифологическом материале (мифы и предания народов Сибири и Центральной Азии)¹⁸. Глазам и взгляду в

¹⁰ Толстая С.М. Магические способы распознавания ведьмы // *Studia Mythologica Slavica*. Ljubljana, 1998. № 1. С. 141–152.

¹¹ Виноградова Л.Н. Как распознать чужого среди своих // *Исследования по славянскому фольклору и народной культуре*. Вып. 1. / Под ред. А. Архипова, И. Полинской. Oakland, [1997]. С. 53–62.

¹² Barthel de Weydenthal M. *Urocne oczy*. Lwów, 1922.

¹³ Борђевић Тихомир Р. Зле очи у веровању Јужних Словена // *СЕЗБ LIII*, 1938.

¹⁴ Раденкович Л. Дурной глаз в народных представлениях славян // *Живая Старина*, 1995. № 3(7).

¹⁵ Менцей М. Словенские представления о дурном глазе в европейском контексте // *Ethnolinguistica Slavica*. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. М., 2013. С. 130–151.

¹⁶ Галанова М. Представа за окото и зрението в традиционната култура на славяноезичните балкански народи // *Етнографски проблеми на народната култура*. Т. 8. София, 2011. С. 283–318.

¹⁷ Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.

¹⁸ Неклюдов С.Ю. Слепота демона и ее литературные перспективы // *Сила взгляда: глаза в демонологии и иконографии*. М., 2014. С. 125–147; Неклюдов С.Ю. Духи и нелюди в недружелюбном мире (о некоторых стратегиях конструирования мифологического образа) // *Forma*

иконографии и демонологии посвящен сборник, вышедший в 2013 г., в котором заявленная тема рассматривается на материале различных традиций: русской иконографии, средневековой европейской скульптуры; устной народной традиции тибетцев, монголов, народов Алтая, славян¹⁹.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые тема зрительного восприятия человеком окружающего мира изучается комплексно, на материале языка и культуры славян; впервые сделана попытка применить к исследуемому материалу лингвистические методы анализа. Кроме того, в научный оборот вводится новый материал, записанный автором в ходе полевых исследований и извлеченный из архивов. Реконструируется семантическая структура зрительного кода в языке и культуре и предлагается новое объяснение некоторых обрядовых действий (обычай лечения больного водой, в которую посмотрелись все члены семьи) и мотивировок запретов (запрет оглядываться во время гаданий, ритуалов) в рамках реконструируемой модели зрительного восприятия у славян.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Представления о глазах и зрении в языке и традиционной культуре составляют систему понятий, образов и символов, построенную на бинарных семантических оппозициях, главными из которых являются оппозиции «жизнь – смерть», «свет – тьма», «человек – не человек».

2. Зрительное восприятие лежит в основе древнейших представлений славян об устройстве мира (народная космология и мифология) и о человеке (народная антропология и аксиология), сохраняющих свою актуальность на протяжении веков и запечатленных в языке, фольклоре, верованиях (деление мира на «видимый» и «невидимый», вера в силу взгляда и пр.).

formans. Studi in onore di Boris Uspenskij. A cura di Sergio Bertolissi e Roberta Salvatore. Napoli: M. D'auria editore, 2010. Vol. II. P. 101–120; Неклюдов С.Ю., Новик Е.С. Невидимый и нежеланный гость // Исследования по лингвистике и семиотике. Сб. статей к юбилею Вяч.Вс. Иванова / Отв. ред. Т.М. Николаева. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 393–408.

¹⁹ Сила взгляда: глаза в демонологии и иконографии / Сб. статей под ред. Д.И. Антонова. М., 2014.

3. Основными сферами, для которых актуальны зрительные представления и символика, являются следующие области «наивного» (народного) знания: анатомия (физические свойства глаз), физиология (смотрение, видение, зрение как действие, процесс и свойство), психология (зрение и психические свойства человека), медицина (глазные болезни, их причины и магические практики лечения), космология (видимый и невидимый мир, свет и тьма), мифология (зрение мифологических персонажей, зрение умерших, магическое зрение, сверхзрение), а также ритуал (запреты и предписания, касающиеся смотрения и видения), гносеология (видение и знание), аксиология (зрение в системе ценностей).

4. Представления о глазах и зрении в языке и традиционной культуре славян могут быть описаны с помощью логической модели зрительного восприятия, учитывающей роли компонентов («участников») ситуации зрения/видения – субъекта, объекта, инструмента, предикатов, каждый из которых имеет свои релевантные характеристики.

5. Ключевыми понятиями «зрительного кода» (т.е. представлений о глазах и зрении, участвующих в категоризации мира и формировании «наивной картины мира») в языке и культуре являются: ГЛАЗ как инструмент зрения, ВИДЕТЬ как предикат состояния, СМОТРЕТЬ как предикат активного действия и ЗРЕНИЕ как свойство и способность человека.

Соответствие диссертационного исследования паспорту специальности ВАК. Работа выполнена в рамках специальности 10.02.03 – славянские языки.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней были применены методы семантического анализа к разнообразному эмпирическому материалу – не только языковому, но и фольклорно-этнографическому, что позволило выявить закономерности организации исследуемого фрагмента традиционных представлений о мире, структурировать обширный и разнородный материал и предложить наглядную модель визуального восприятия у славян, включающую его основные компоненты – субъект, объект, предикат, сирконстанты и пр.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использовать его результаты в практике вузовского преподавания – в курсах этнолингвистики, фольклора, лексикологии, фразеологии, семантики, диалектологии. Результаты работы могут представлять интерес для представителей смежных дисциплин, изучающих феномен зри-

тельного восприятия со своих позиций, – психологии и философии. Предложенная модель исследования зрительного восприятия может быть полезной при изучении других систем восприятия человека, а также при изучении этой темы на материале других языков и культур.

Апробация работы. Основные положения данного исследования были изложены в докладах на международной конференции «Славянский мир: общность и многообразие» (Москва, 2012, 2014), ежегодных «Голстовских чтениях» (Ясная Поляна, 2012, 2013, 2015), конференции «Актуальные проблемы лингвистической географии» (Москва, 2012), международной конференции «Балканские чтения» (Москва, 2013), конференции «Человек ощущающий: перцепция в современном гуманитарном знании» (Москва, 2015), международной конференции «Этимология. Ономастика. Этнолингвистика» (Екатеринбург, 2015), конгрессе МАП-РЯЛ (Гранада, 2015), международной конференции «Норма и аномалия в славянской и еврейской культурной традиции» (Москва, 2015).

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, приложения (лексического указателя), списка использованных источников и литературы.

Основное содержание работы

Во **Введении** характеризуется этнолингвистический подход, примененный в исследовании, объясняется его специфика по сравнению с близкими научными направлениями; обосновывается актуальность выбранной темы; определяются объект, предмет, цели и задачи исследования; формулируются положения, выносимые на защиту; перечисляются основные источники материала и объясняются принципы его отбора; излагается история изучения вопроса; описывается структура работы.

1. Первая глава «Представления о глазах в языке и традиционной культуре» посвящена инструменту зрения – глазам, их образу в языке, роли и функциям, которыми они наделяются в традиционных представлениях.

Раздел 1.1. посвящен **лексике, обозначающей глаз и зрачок**. Рассматриваются названия глаза: *oko* (общеславянское распространение), *glaz* (русский язык и его диалекты), а также экспрессивные наименования (рус. диал. *зенки*, *выпуки*, *бельмаки*, бел. *пялы*, пол. *ślepia*, *gały* и др.).

Вслед за Я. Сятковским, выделившим пять типов номинации зрачка²⁰, анализируются названия зрачка. Особое внимание уделяется мотивационной модели, базирующейся на отражающемся в зрачке образе ('маленький человечек', 'кукла' – макед. *детенце, дете*, укр. *чоловічок, дядечко*, пол. *rapienka*). С этой мотивационной моделью сопряжены мифологические представления, связанные со зрачками демонов (зрачки без «человечков», «человечки» перевернуты вверх ногами, вместо «человечков» отражение козла и пр.).

Рассматриваются вторичные значения лексем с корнями *glaz-*, *ok-*: 'лицо, перед', 'человек' (*за глаза* – 'в отсутствии человека'), 'окно', 'фасад, передняя сторона': «покойника ваяд *глазми* на сток, вот кладбище у нас – сѣ *глазми* на сток (восток); «деревня стойд *глазми* на юк» (АОС 8: 87), ср. формулу в заговорах: «встану я на восток *глазами*». Дериваты с этими корнями развивают следующие значения: 'небольшой круглый предмет', 'отверстие', 'водоем' (озеро, яичница, жировое пятно). Лексемы, означающие 'зрачок', часто параллельно имеют значение 'зеркало' (рус. карел. *глядельце, зеркальце*). Они также могут развивать вторичные значения, содержащие оценку, ср. серб. *зеница* 'то, что важно, существенное', 'суть дела', 'самое дорогое': ср. библейский фразеологизм «беречь как зеницу ока».

Раздел 1.2. посвящен **представлениям о глазах в народной культуре**. Высокий ценностный статус глаз отражен в поговорках (*Лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать*), заговорах (*Как глаза бережет раб божий, так бы и меня берег*), божбе и проклятиях (*Чтобы тебе света белого не видеть!*). Произносящий проклятие желает проклиняемому лишиться глаз, ослепнуть, причем подразумевается не только физическая слепота – слепота символически может означать смерть и тяжелую посмертную долю.

Согласно народной космогонии, небесные светила произошли от глаз божества, а в антропологии – глаза человека от светил (см. духовный стих о Голубиной книге). По поверьям южных славян, глаза представляются жидкой субстанцией, они могут «вытечь», их «выпивают» (змея

²⁰ *Siatkowski J.* Słowiańskie nazwy 'żrenicy' w świetle materiałów gwarowych i źródeł historycznych // *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*. XLV. Warszawa, 2010. S. 143–174.

«выпивает» глаз солнца, отчего оно начинает тускло светить). Глаза мыслятся как отверстия, через которые проникает свет, они сопоставляются с окнами жилища: «*окото е като прозорец и при заболяване получава перде*» [Глаз как окно, во время болезни его заслоняет завеса] (болг.).

В народной антропологии глаза связываются с душой. Они представляются вместилищем души («человечек» в зрачке – это душа, некоторые люди, глядя в глаза, могут «съесть» его, и человек тяжело заболит – зап. укр.), или отверстием, через которое душа покидает тело в момент смерти (у умирающего лопаются глаза и в этот миг вылетает душа – полсилез.; душа выкатывается в виде слезы – полес., душа выходит во время последнего моргания глазами – укр. карпат.).

Глаза играют важную роль в описании внешности, о чем свидетельствует лексика, характеризующая человека по размеру, форме, цвету и строению его глаз, например: *большеглаз* (пск.), *буркалостый* ‘с большими глазами или с глазами навывкате’; *темноглазый, белоглазый, голубоглазый, кривак, косыга, вестеглазый* ‘с бойкими, бегающими глазами’ (арх., пск.), *быстроглазый* ‘бойкий, смелый, находчивый, дальнорский’ (ворон.), *верхогляд* (якут.). Глаза транслируют информацию о внутреннем мире субъекта: характере, состоянии, настроении (рус. *пьяные глаза, бестыжые глаза, наглые глаза*).

Особое внимание уделяется в традиционных представлениях тому, что происходит с глазами человека после смерти (они лопаются, открываются, в могиле их высасывают змеи). Нужно было следить, чтобы глаза покойника оставались закрытыми, иначе он мог «высмотреть» и увести за собой новую жертву. Его открытые глаза выступают как канал между тем и этим светом, опасный как для живых, так и для умершего.

В разделе 1.3. рассматриваются **представления о норме и аномалиях глаз**. Глаза **демона** отличаются от глаз человека по ряду признаков, среди которых: отсутствие какого-либо компонента (ресниц, бровей, век), или его избыточность (густые брови, огромные веки и ресницы), закрытые глаза, отклонения в строении зрачка, огненная природа глаз (огонь, искры, угли и пр.). При характеристике глаз релевантны параметры: цвет, размер, количество глаз, асимметрия (несоответствие левого и правого глаз), необычное местоположение и др. Особое внимание уделяется таким аномалиям, как кривизна / косоглазие. Любое отклонение от нормы может сигнализировать о демонической природе обладателя глаз. Признаки выступают как по отдельности, так и в сочетаниях (например,

многих демонов отличают большие горящие / красные / светящиеся глаза).

Представления о глазах реконструируются также на основе данных **народной медицины** – сведений о причинах, характере и способах лечения глазных болезней. Болезнь глаз может трактоваться как результат появления механической преграды для зрения, как замутнение зрения темной водой (ср. рус. *темная вода* ‘слепота’: с.-рус. *темная вода подступила*, сибир. *в глазах темная вода разлилась*, вологод. *очернить* ‘ослепнуть’). Среди способов лечения и профилактики, соответственно, применяются промывание глаз проточной водой, использование зеркала. Для заговоров от глазных болезней характерен мотив света: «*Волы-буivolы, идить до мене бильма зганяты, рогамы здйматы, хвостамы замитаты, очам просвитлосты даты*»²¹.

2. Вторая глава «Предикат ‘смотреть’. Взгляд в языке и традиционной культуре» посвящена анализу действия ‘смотреть’: его семантике, прагматике, его основным участникам (субъекту, объекту, обстоятельствам) и взгляду как кванту этого действия.

В разделе 2.1. «**Лексика со значением ‘смотреть’ в славянских диалектах**» анализируются глаголы активного зрительного восприятия в славянских диалектах по данным Общеславянского лингвистического атласа (*diviť se, glěditь, patřitь se, sьmotritь, zьritь, viditь, bačitь, pulitь, kukajetь se* и др. – ‘смотрит’ (3 sg praes))²².

Лексика со «зрительной» семантикой может претерпевать семантические сдвиги. Например, из сферы восприятия она переходит в область эмоций и чувств – ср. рус. *ненаглядный, приглянуться, ненавидеть, видеть не могу*, пол. *wraść w oko kotuś*, словен. *vreči oko na koga /kaj* и др. Неслучайно проявление мотивов, связанных со зрением, в любовной лирике, заговорах на любовь и красоту: «*Сколь золото-серебро чисто и кругло, столь бы и я, раб Божий (имя) был бы бел и чист, чтобы все зо-*

²¹ Полесские заговоры (в записях 1970–1990-х гг.) / Сост. Т.А. Агапкина, Е.Л. Левкиевская, А.Л. Топорков. М., 2003. С. 243.

²² Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Т. 9. Человек. Варшава, 2009. С. 160–161.

рили и смотрели и глаз не сводили»²³. Чувство влюбленности выражается через желание постоянно смотреть на предмет любви: «Не пила бы я, не ела, Все на милого глядела; Не дремала б я, не спала, К себе милого все ждала!»²⁴. Исчезновение объекта любви из поля зрения способствует угасанию чувства (ср. рус. *С глаз долой, с сердца вон*; словац. *Ľo oĽi nevidia, srdcu neĽial'*, пол. *Co z oczu, to i z myĽli /patiĽci*). Во вредоносной магии, чтобы разлучить супругов, используются объекты, на которые неприятно смотреть (змеиный выползок, предметы, связанные с волком), чтобы муж с женой не могли смотреть друг на друга, казались друг другу змеями, волками.

Смотрение, взгляд в языке и традиционных представлениях наделяются оценочными характеристиками. Негативно оценивается долгий, пристальный, бесцельный взгляд (рус. диал. экспресс. *пялится, вылупиться, глзеть* и пр.). Манера смотреть характеризует не только внешность, но и характер человека (рус. диал. *быстроглазый* ‘бойкий, смелый, находчивый’), его отношение к объектам, на которые он смотрит, в том числе цель действия смотреть: *глазоял* – о человеке, любящем засматриваться на кого, что-либо без надобности, с целью предосудительной, оскорбляющей нравственность (ср. рус. *зря* ‘напрасно, тщетно, безуспешно’, восходящее к причастию настоящего времени от **zbrĽti*, означавшее ‘праздно смотря’; рус. диал. *зряиный, зряице, зряинина*). Пристальный взгляд в русском языке метафорически уподобляется приему пищи (*есть глазами, пожирать взглядом*, у южных славян – ‘пить глазами’).

Раздел 2.2. «Взгляд по данным языка» посвящен языковой концептуализации взгляда. Лексика, обозначающая взгляд в славянских языках, производна от глаголов со значением ‘смотреть’: бел. *pozĽrk*, укр. *погляд, зĽr*, пол. *wzrok, spojrzanie, poglĽd* (‘мнение’), серб. *поглед, гледиште* (‘точка зрения’), болг. *поглед; възглед, гледище* (‘точка зрения’), словен. *pogled, gledanje, nazor*. В языке взгляд уподобляется материальной субстанции (рус. *метать взгляды*, пол. *rzut oka*); пространство, на которое простирается взгляд, может выступать в функции меры расстояния

²³ Русские заговоры и заклинания / Под ред. В.П. Аникина. М., 1998. № 588.

²⁴ Великорусские народные песни / Изд. проф. А.И. Соболевским. Т. 1–7. СПб., 1895–1907. Т. 2. С. 138.

(рус. диал. *видки, окоём*). С одной стороны, взгляд соотносится с действием *смотреть* (рус. *взгляд* – производное от моментального коррелята глагола *смотреть* – *взглянуть*), он является квантом, единичным актом этого действия, может заключать в себе характеристики манеры и способа *смотрения*. С другой стороны, он может соотноситься с субъектом, который смотрит, и входить, в свою очередь, в ряд его характеристик, выражая его внутреннее состояние, эмоции, черты характера (ср. серб. *има лукаво око* – о завистливом человеке; *поглед кривим оком* – когда человек показывает враждебность, ненависть по отношению к тому, на что он смотрит).

В разделе 2.3. «**Действие ‘смотреть’ и взгляд как коммуникативный акт**» визуальная коммуникация рассматривается в ряду других видов коммуникации – речевой и тактильной, выделяются ее участники: смотрящий субъект, объект, на который он смотрит, инструмент – глаза, предикат – ‘смотреть’. В визуальной коммуникации, в отличие от речевой, активную роль играет воспринимающий субъект, а наблюдаемые объекты обычно пассивны. *Смотрение* представляет собой обмен информацией между субъектом и объектом. Глядя на объект, субъект испытывает эмоции и чувства, которые отражаются во взгляде и передаются через взгляд объекту. Взгляд выступает как вместилище чувств и эмоций субъекта, а также как канал, через который их можно выпустить, избавиться от них, сообщить их объекту или запереть их в каком-либо замкнутом пространстве (чтобы избавиться от тоски по умершему, после выноса его из дома, нужно было заглянуть в дежу (квашню) и сразу же закрыть ее – укр.). В то же время через взгляд субъект магически приобщается к свойствам и качествам объекта (перед конями ставили кротов в горшке, чтобы они, глядя на кротов, становились такими же упитанными и гладкими – пол.).

2.4. В разделе «**Логический анализ ситуации ‘смотреть’**» дается характеристика участников ситуации зрительного контакта: субъекта, объекта, предиката, сирконстантов. Предикат ‘смотреть’ связан с категорией оценки, которая выражена через признаки *опасный / безопасный*: данное действие может считаться опасным как для субъекта, так и для объекта восприятия, в зависимости от того, с каким объектом / субъектом он взаимодействует, что выражается в системе запретов и предписаний.

2.4.1. Выделяются следующие классы **субъектов**, обладающих опасным взглядом: демоны и им подобные (люди со сверхъестественны-

ми свойствами – колдуны, покойники), которых характеризует необычная манера смотреть: они не смотрят (колдун, ведьма), или, наоборот, пристально смотрят в глаза собеседника (вила); взгляд незакрытых глаз покойника опасен для живых – он может *высмотреть* следующего покойника.

Опасной может быть ситуация визуального контакта для людей в лиминальных состояниях (беременность, послеродовой период, период регул, болезнь и др.), исполняющих определенные обрядовые роли (невеста, участник похоронной процессии). Взгляд данных категорий людей вредоносен для других и сами они подвержены опасности, напр., взгляд невесты мог повредить всему, на что она ни посмотрит, поэтому ей закрывали лицо, запрещали смотреть вдаль (болг., полес.), в то же время сама невеста может стать объектом сглаза.

В разделе 2.4.2. дается характеристика **объектов**, которые подвергаются воздействию взгляда или сами влияют на субъекта, смотрящего на них. Предписания и запреты смотреть на те или иные объекты мотивируются желанием защитить или того, кто смотрит, или того (что), на кого (что) направлен взгляд. Если в доме лежал больной, то при входе нужно было сначала посмотреть на печь, потом на красный угол, чтобы к вошедшему не пристала болезнь. Взгляд гостя мог негативно сказаться и на состоянии больного.

Как правило, в ситуации зрительного контакта активную роль играет смотрящий субъект, но в ряде случаев в роли активного участника ситуации может выступать объект (ср. конверсные глаголы и глагольные сочетания со значением ‘бросаться в глаза’ – рус. диал. *вержить*, *бросаться* / *лезть* / *бить* / *метаться* / *встрелить* / *вторнуться в глаза*; укр. *впасти в око (в очі)*; *спадати на очі*; *набігти на очі*; *брати очі [на себе]*; бел. *кідацца (падаць) у вочы*; пол. *rzucić się w oczy komuś*, слщ. *biť do oči*, слн. разг. *pasti v oči*).

В разделе 2.4.3. рассматриваются **обстоятельства**, при которых происходит зрительный контакт. Выделяются обстоятельства времени, места, цели и образа действия. Например, ряд «зрительных» запретов основан на принципе: не смотреть на что-либо в какой-то определенный момент или период времени (обычно сакральное время), чтобы не встретиться с подобным в будущем. На Святках запрещается смотреть на вертена, чтобы летом не видеть в лесу змей (полес.). Запреты могут ка-

саться способа смотрения (ср. запрет оглядываться при совершении обрядов, во время гаданий, во время похоронного шествия и пр.).

Раздел 2.5. «**‘Смотреть’ как ритуальное и магическое действие**» посвящен прагматике действия *смотреть*. Целью смотрения может быть сообщение объекту свойств или качеств смотрящего субъекта (все члены семьи смотрят в воду, после чего эта вода становится целебной и помогает излечиться от порчи – рус. вят.), избавление субъекта от нежелательных свойств, качеств или состояний (чтобы избавиться от тоски по умершему, после похорон смотрели в печную трубу – в.-слав.), получение свойств и качеств от объекта (на Брянщине девушка смотрела в хлебную дежу, чтобы быть пышной, как поднявшееся тесто), установление контакта с объектом и получение власти над ним (молодая смотрела на печь или печной столб в доме мужа, что знаменовало ее приобщение к новому дому – рус.), проявление заботы об объекте (ритуальные хождения в поле с целью «осмотра» посевов). Магические свойства взгляду придает рамка (отверстие), через которое проходит взгляд: чтобы удержать пчелиный рой, сербы смотрели на него сквозь обручальное кольцо или сквозь обе проемы безрукавки, штанину; в Болгарии молодожены смотрели через свадебный калач друг на друга, чтобы «соединиться навеки».

Смотрение как ритуальное действие могло выполнять социальные функции: освоение окружающего мира (после венчания невеста должна была оглядеть все в доме жениха, чтобы быстрее обжиться в нем, быть там всеми любимой), выражение чувств и отношений между людьми (любовь/ненависть) – чтобы внушить избраннику любовь, нужно было пристально смотреть ему в глаза (рус.). Осматривание практиковалось с целью признания нового социального статуса (смотрины невесты, проведывание новорожденного, прощание с покойником).

2.6. Раздел «**Взгляд в народной традиции. „Дурной глаз“**» посвящен комплексу представлений о сглазе. Рассматривается лексика, называющая сглаз (рус. *призор*, полес. *подив*, *подивок*, *падиў*, ст.-пол. *zazioru*, серб. *zazor*, *zavidost*, *чуди*, *почудишите*, болг. *поглядища*, *очи*, *пóчуди*, *пóчудища*, макед. *почудишите*), обозначающая человека, обладающего свойством вредить с помощью взгляда (рус. *глазливый*, *урочливый*, *злоочник*, *видычий*, серб. *злоок*), глагольная лексика, обозначающая действие ‘вредить с помощью взгляда’ (пол. *urzec*, *zajrzec*, *ziorać*, *ziarać* (*drażnić wzrokiem*, *wyzywajacem wpatrywaniem się*), *przyroczyć*, *zadać/dać/rzucić urok*, пуšićić na kogo *uroki*, герцеговин. *upечь*, *промерпуми*,

рус. *сглазить, изурочить, опризорить*). Дается характеристика **субъектов** (рожденные в субботу, дважды отнятые матерью от груди («повторенные»), люди в лиминальных состояниях, «профессионалы», обладающие способностью видеть потустороннее и др.), **объектов** (все новое – новорожденные дети и животные, люди в лиминальных состояниях), инструмента (*урочные* глаза) и условий данного вида порчи (на заходе солнца, вне дома, взгляд через «рамку» и др.). Сглаз часто характеризуется как непреднамеренный вид порчи, не зависящий от воли субъекта, сглазить можно даже себя. Анализируются апотропеические средства, направленные на нейтрализацию сглаза: закрывание оберегаемого объекта, символическое ослепление субъекта, перевод вредоносной силы взгляда на посторонние объекты, нейтрализация взгляда с помощью объектов, привлекающих внимание (предметов красного цвета, вызывающих удивление – неожиданных, отвлекающих внимание на себя), которые призваны «сломить глаз» – защитить от действия первого, самого опасного, взгляда.

3. Третья глава «Предикат ‘видеть’. Зрение в языке и традиционной культуре славян» посвящена анализу предиката ‘видеть’, основным участникам ситуации ‘видеть’ (субъекту, объекту, обстоятельству), а также зрению (способности видеть), его символическому значению и культурной нагрузке, которому противостоит слепота – отсутствие зрения.

В разделе 3.1. «**Видеть и зрение в языке**» рассматриваются глаголы со значением ‘видеть’ в славянских языках (рус. *видеть*, пол. *widzieć*, кашуб. *widzec*, болг. *виждам*, бел. *бачыць*, укр. *бачити*, слн. *videti*, чеш. *vidět*, слц. *vidiel*, серб. *видети*), определяются значения предиката пассивного состояния *видеть* (‘воспринимать глазами’, ‘обладать способностью воспринимать глазами’, а также производные значения: ‘встречаться’, ‘переживать, испытывать’ – *Я его давно не видел. Что мы видели в жизни хорошего?*).

Зрительная перцепция связана с познанием, что выражается на лексическом и семантическом уровне (этимологическое родство **viděti* и **vědati*; *видеть* ‘знать, понимать’, рус. диал. *видка* ‘правда’, *взорный* ‘догадливый’, *зрячий* ‘хороший, умный, дельный’). В языке получает развитие метафора «свет/зрение – знание» (и наоборот, «темнота/слепота – отсутствие знания»: *просвещение*, *темный* ‘невежественный’, *открыть глаза на что-либо* и пр.). В традиционной культуре большое внимание

уделяется распознаванию мифологического персонажа: необходимо увидеть в нем демоническую сущность под личиной человека или животного, в виде которого он показывается людям (увидеть = узнать).

В разделе 3.2. рассматривается **зрение в ряду других видов восприятия**, а также оппозиция «зрение – слепота» (отсутствие зрения). Анализируются лексемы, означающие зрение и слепоту в славянских языках (словен., с.-хорв. *vid*, макед. *вид*, болг. *зрение, очи (слаби очи)*, чеш., словац. *zrak*, пол. *wzrok*, укр. *зір*, бел. *зрок*, бел. диал. *зер, светла, узрочнасць*); рус. *слепота*, серб. *слепило*, чеш. *slépota*, пол. *ślepotą*, слн. *slépota*, болг. *слепота*. Слепота часто обозначается через темноту: рус. диал. *тёмной* ‘слепой’, *отемнеть* ‘ослепнуть’, макед. диал. *темничар, тьмничар* ‘слепец’ (Прилеп), рус. *в глазах света нет* ‘о плохом зрении’ и др.

В традиционных верованиях глаза, подобно небесным светилам, наделяются способностью излучать свет. Тот факт, что при свете можно видеть, а в темноте человек «слеп», послужил основой для возникновения смешения (диффузности) субъектно-объектных отношений в парах: *зрение – свет* и *слепота – темнота* (ср. *темный* в значении ‘слепой’ и *слепой* в значении ‘плохо видимый’ – *слепой текст*).

В разделе 3.3. «**Логический анализ ситуации ‘видеть’**» в центре внимания находится предикат *видеть* не только в значении состояния (*X видит Y*), но и в значении способности (*X обладает зрением*).

3.3.1. Рассматриваются возможные **субъекты** ситуации видения, при этом релевантным оказывается то, является ли субъект человеком или «нечеловеком» (мифологическим персонажем). Зрение мифологических персонажей может совмещать в себе *сверхзрение* (они видят то, что скрыто от глаз человека) и *слепоту* (они слепы в мире людей). Слепота характерна для персонажей, восходящих к душам умерших (например, русалок). Слепота / зрячесть субъекта маркирует границу между тем и этим светом, что проявляется в мотиве «взаимной слепоты» человека и мифологического персонажа.

Особое внимание в традиционных представлениях уделяется зрению покойников. Умирая, человек утрачивает земное зрение (которое выступает основной приметой жизни), он становится слепым, что используется в заговорах и вредоносной магии: «В доме как умрет человек, так чтобы гроб сделать, его измеряют палкой какой-нибудь. Так эту палку потом тихонько подобрать, омерить свой огород и сказать: „Как покойник не видит, так и вор не увидит“. И вор, если зайдет во двор, не

сможет оттуда выйти, только хозяин сможет его вывести»²⁵. Во фразеологии смерть часто обозначается как утрата зрения: рус. диал. *свет из глаз выкатился, глаза завешало, Бог глаза закрыл, зрение утекло*. На том свете покойник обретает более совершенное посмертное зрение, сопряженное со сверхзнанием. О посмертном свете для покойника и его зрении должны позаботиться живые: зажечь свечу в момент смерти, чтобы «осветить» ему путь на тот свет; развести костер в день поминаения; обнести могилу, вымыть одежду покойника и полотно, на котором гроб опускали в могилу и др. Formой заботы о зрении покойников выступали запреты на работу (пряжение, шитье, побелку дома и др.) в поминальные дни, которые объяснялись опасением засорить глаза предкам. Несоблюдение запретов грозило нарушителю карой, прежде всего слепотой. Аналогичные представления связываются со зрением еще не рожденных младенцев. Нарушение запретов на работу в определенные дни может навлечь на них слепоту. Как и при покойнике, в доме, где находится новорожденный, должен постоянно гореть свет.

3.3.2. Способностью видеть невидимое обладают только некоторые категории людей: колдуны, «профессионалы» (пастухи, мельники и пр.), люди, рожденные в субботу, «повторенные» дети и др. Видеть невидимое могут люди в лиминальных состояниях (во время болезни, сна, перед смертью), дети и праведники, люди, находящиеся под действием проклятия, колдовства, при контакте с мифологическим персонажем, тоскующие по умершему и пр.

Возможность увидеть невидимое связывается с определенными условиями: временем и местом. Увидеть невидимое помогают особые магические предметы (свеча, нить, пояс, полотно, одежда) и инструменты – «рамка» (отверстие). В качестве рамки могут выступать или обычные бытовые предметы (хомут, решето, борона, замочная скважина, цедилка), обрядовые символы, выступающие во вторичной функции (обручальное кольцо, свадебный венок, отверстие в гробовой доске), или же специально изготовленные для этой цели предметы (особым способом испеченный калач). Словаки верили, что если смотреть через дырку в гробовой доске или через замочную скважину в церковной двери накануне дня св.

²⁵ Русские заговоры и заклинания / Под ред. В.П. Аникина. М., 1998. С. 371.

Люци, можно увидеть в церкви ведьм (*стриг*), собравшихся со всей округи. К «рамкам» относятся также окно, печь и колодец, которые являются одновременно локусами, по которым проходит граница между тем и этим светом. Через окно человек может увидеть идущих на поминальный ужин предков, через окно смотрят во время гаданий. В окно дома, где в этот момент рождается ребенок, можно увидеть его судьбу. Обычай заглядывать в окно, чтобы узнать судьбу новорожденного дожил до наших дней: «Про судьбу только знаю, что ее можно на окне прочесть. Даже сейчас, в роддоме когда рождаешь, нужно на окно глядеть. Дитя родится, а в этот миг на окне будет написано, какая судьба дитю» (ю.-рус.)²⁶. Печь, колодец, зеркало, вода (отражение) выступают как локусы, в которые «заглядывают» с целью установления визуального контакта с иным миром.

3.3.3. Зрению противопоставляется **слепота**, которая, так же как и сверхзрение, связывается с потусторонним миром и смертью. Слепые часто почитаются как праведники, знахари, знающие с нечистой силой, обладающие особыми способностями. Слепота выступает как признак чужого, потустороннего (признаком слепоты часто наделяются инородцы).

Слепота, ассоциируясь с тем светом, символически может обозначать смерть, вовлечение в сферу иного мира (см. проклятия, связанные со слепотой: серб. *Да му се не види!*, пол. *A źebyś oślep! Bogdaj ci ślepie wylazły!*, которые часто в иносказательной форме призывали смерть на адресата). Ослепление становится равнозначным убиению, уничтожению, лишению жизненной силы.

В апотропеической практике «символическое ослепление» часто применяется с целью обезвредить противника путем непосредственных действий, направленных на его глаза («замазывание», «зашивание», «выкалывание» и пр.), или имитации его состояния – слепоты и внешней темноты (совершение обрядов с закрытыми глазами, в темноте). Например, в дни разгула волков («волчьи дни») закрываются различными способами (залепаются, замазываются, зашиваются и т. п.) всевозможные отверстия, что, по принципу подобия, должно спровоцировать замыкание

²⁶ Власкина Т.Ю. Донские былички о повитухах // Живая старина. № 2, 1998. С. 16.

глаз (или пасти) волка (ю.-слав.). Заговор от воробьев: *«Как я не вижу белого света, так пусть птицы не видят моих семян»* (рус. забайкал.)²⁷.

3.3.4. **Объекты** зрения делятся на «видимые» и «невидимые» с точки зрения человека. К «невидимым» объектам относятся: 1) не имеющие видимого облика и выдающие себя через звуковые проявления, а также следы деятельности (ю.-слав. вампир); 2) объекты, которые обычно скрыты от зрения человека: сакральные или мифические животные, растения, предметы и явления природы; 3) объекты, которые могут визуализироваться в определенном облике (покойники, душа и др.); 4) объекты, обладающие «визуальной вариативностью»: они могут менять свой облик, внезапно появляться («показываться») и исчезать (рус. домовый, леший); 5) объекты, способные морочить человека, являясь в чужом обличье (например, ведьма); 6) все неизвестное, неведомое: судьба (скрытое от человека будущее), неизвестное прошлое, происходящие на расстоянии события и пр.

Невидимость, так же как и способность видеть невидимое, может быть признаком включенности объекта в мифологическое пространство (он временно принадлежит иному миру). Причиной того, что объект становился невидимым, могло быть проклятие, вредоносные чары колдуна, взаимодействие с мифологическим персонажем (водит леший). Ребенок, которого водит леший, становится невидимым для людей, в то же время он начинает видеть потустороннее, а реальность отражается в искаженном свете (сев.-рус.). Невидимость насылается колдунами, «знающими» людьми и мифологическими персонажами. На Русском Севере верили, что пастух может «запереть» скот или человека – сделать его невидимым, и люди не смогут его найти. Пастух, заключив договор с лешим, получал способность «закрывать» скот от диких животных.

В магической практике особое внимание уделяется способам **сделаться невидимым** (например, у охотников, воров и т. п.), а также скрыть объекты от нежелательного воздействия взгляда враждебного субъекта. Это актуально, например, для апотропеических действий, направленных на защиту скота и домашней птицы от диких животных (ср. магическое «ослепление противника»). Некоторые действия, направленные на обретение невидимости, дублируют ритуалы, выполняемые для

²⁷ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 58.

обретения сверхзрения. Человек, становясь невидимым, уподобляется мифологическому персонажу, и тем самым попадает в сферу влияния иного мира. Невидимость, слепота/темнота, с одной стороны, и сверхзрение (сверхзнание) – с другой – противопоставляются видимости, зрячести/свету, как признакам этого мира. Многочисленные параллели между слепотой и невидимостью, как на вербальном (лексическом) уровне, так и на уровне акциональном (магические действия), выявляют архаические представления о «мифологической» слепоте, включающей в себя не только слепоту, но и невидимость.

Раздел 3.4. «**Обман зрения в языке и народной культуре**» посвящен русским диалектным глаголам с семантикой обманчивого зрительного восприятия ('казаться', 'чудиться', 'мерещиться') и их функционированию в текстах поверий и мифологических рассказов. Данные глаголы выступают или в безличных конструкциях (*помстилось, покарзилось, помлилось*), или в качестве предиката при мифологическом субъекте. В логической ситуации «обманчивого зрительного контакта» воспринимающий субъект и воспринимаемый зрением объект меняются местами. Субъект зрения (человек, которому «кажется») оказывается в пассивном положении, а объект зрения выступает в роли активного члена логической пропозиции, воздействующего извне на сознание субъекта через зрение.

В **Заключении** подводятся итоги работы и намечаются перспективы дальнейшего исследования темы, в том числе изучение роли зрительного кода на материале фразеологии, в рамках конкретных фольклорных жанров (заговор, волшебная сказка, загадка, лирическая песня, причитание и др.), в отдельных обрядах – свадьбе, похоронном и поминальном, окказиональных. С помощью метода, примененного в настоящей диссертации к модели зрительного восприятия, можно исследовать и описать модель слухового восприятия, а также систему восприятия в целом, сравнив отдельные ее виды.

В **приложении** дается алфавитный указатель использованной в работе славянской лексики, связанной с темой глаз и зрения.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

**Статьи, опубликованные
в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях,
рекомендованных ВАК РФ:**

1. Глаза и очи в славянских диалектах // Славянский альманах 2011. М., 2012. С. 480–489.
2. «Света белого не видеть...» (тема глаз и зрения в формулах южнославянских проклятий) // Славяноведение. 2013. № 2. С. 79–89.
3. Глаза и зрение в языке и традиционной народной культуре славян // Славяноведение. 2014. № 6. С. 47–57.

В других изданиях:

4. Восточнославянские названия зрачка: этнолингвистический аспект (тезисы) // Русская диалектная этимология. Материалы IV Международной научной конф. 22–24 октября 2002 г. Екатеринбург, 2002. С. 135–137.
5. Аномалии глаз как признак мифологического персонажа // Проблемы славяноведения в трудах молодых ученых. М., 2003. С. 259–273.
6. Визуализация невидимого: способы контакта с иным миром // Славянский и балканский фольклор. Вып. 11: «Винограде». М., 2011. С. 109–120.
7. «Когда кажется – креститься надо»: «обман зрения» в языке и мифологических рассказах // Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. М., 2013. С. 363–376.
8. Визуальная магия: магическое действие *смотреть сквозь* // Slavica Svetlanica. Язык и картина мира. К юбилею С.М. Толстой. М., 2013. С. 191–199.
9. «У страха глаза велики»: глаза в славянской народной демонологии // Сила взгляда: Глаза в мифологии и иконографии / Отв. ред. Д.И. Антонов. М., 2014. С. 282–305.
10. Сила взгляда: глаза в мифологии и иконографии (обзор круглого стола) // Живая старина. М., 2014. № 2. С. 71–72 (в соавторстве с Д.И. Антоновым).
11. *Любовь и ненависть* сквозь призму зрительного кода // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре. М., 2015. С. 380–386.

12. Мифологические представления о глазах и зрении у славян // Человек ощущающий: перцепция в современном гуманитарном знании (ежегодник «Человек: образ и сущность»). М., 2015. С. 115–123.

13. Глаголы со значением ‘смотреть’ в русских диалектах (тезисы) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы III Международной научной конференции. Екатеринбург 7–11 сентября 2015 г. Екатеринбург, 2015. С. 314–316.

14. Символическая слепота в славянской народной магии // Материалы конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Т. 6. С. 642–647. Гранада, 2015 (электронное издание).

Подписано в печать 02.02.2016 г.
Объем 1, 2 усл.п.л.
Тираж 100 экз. Заказ №
Отпечатано в типографии